

A composite image showing a city skyline with a blimp flying in the sky and a park with trees and a fountain in the foreground. The scene is bathed in warm, golden light, suggesting a sunset or sunrise.

Ирма Берг
СИСТЕМА

литературный конкурс

**Проект особого
значения**

Ирма Берг Система

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67719096

SelfPub; 2022

Аннотация

Война унесла жизни миллионов. Несмотря на технические и гуманитарные достижения, оружие массового поражения в считанные месяцы раскроило прежнюю карту мира. Уцелевшие страны объединились, но демократическим режимам пришёл конец. Наука уцелела и стала основой новой идеологии. В середине XXI века произошли наиболее кардинальные события. Искусственный интеллект стал обыденностью, нанотехнологии в разы увеличили продолжительность жизни, нефтяное топливо заменило электричество, а виртуальная реальность стала реальностью. Но мозг и сознание по-прежнему оставались до конца не изученными.

Для реабилитации жертв войны нейробиолог Майкл Розенкц создает аппарат Blackspace, способный на время переносить человека в его сенсорную мечту, тем самым выправляя баланс поврежденной психики. Но его изобретение привлекает внимание государственной корпорации, стремящейся использовать его в своих интересах.

Ирма Берг

Система

2096 год

Цюрих, территория Конфедерации

Глава 1

На городских часах пробило 4 часа пополудни. Майк не спеша шёл по осеннему скверу парка. Руки, от холода, он опустил в карманы, и просто разглядывал встречающих прохожих.

«Ведь большинство из них, – думал он, – не имеет Доступа. Они все куда-то спешат, у всех проблемы, и многие из кожи вон лезут, чтобы получить этот самый Доступ. Пожалуйста! Я не возражаю. Мне все равно. Я уже добился своего, заслужил доверие перед государством. Через пять минут я окажусь по ту сторону, и там уже будет мой мир, который я создал сам, сотворил собственными руками и головой. Ведь придумать основу для новой идеологии может не каждый. Только никто не понимает, как это опасно, все с готовностью жаждут променять жизнь на искусственную мечту. Я – это другое дело. Мне просто уже нечего терять».

Выйдя к перекрёстку, он посмотрел на огромный небоскрёб, над входом в который красовалась самая нелепая, по его мнению, надпись: «Наш мир может стать доступным для каждого». Во-первых, почему именно наш мир, тогда как у каждого был свой. Во-вторых, выражение «...доступным для каждого» было двояким. Государство действительно наделяло Доступом, но делало это далеко не просто так. Никто конкретно не знал, что нужно сделать, а комиссия выносила решение в каждом случае индивидуально.

И все же, в данный момент Майк ассоциировал эту надпись как зелёный свет, что-то вроде: «тебе туда». От недавно прошедшего дождя воздух был влажным и свежим.

«Вот он – реальный, настоящий воздух, – думал он, – Ведь это же истинное геройство жить в этом мире. Хотя здесь есть солнце, дети. Может быть. Но в этом мире нет её. Здесь нет Эллен».

Войдя в сверкающий холл здания, он погрузился в величие и прохладу белого металла. Все, начиная от лифтов, и заканчивая тональностью стен, имело светло-серебристый оттенок, изредка разбавляемый золотым и черным цветом. Это было триколором корпорации, её мощью и силой.

К нему подошла высокая девушка в униформе.

– Добрый день, сэр, – вежливо произнесла она. – Мы рады вас снова приветствовать у нас. Не хотели бы сначала перекусить, или сразу перейдёте в Клуб?

– Сразу туда, – ответил Майк. – Но я бы не возражал про-

тив виски с лимоном. Двойного.

– Хорошо, сэр. Желаю приятного отдыха.

Майк еще какое-то время смотрел ей вслед.

«Хорошенькая, – оценил он. – Вышколенная, как, впрочем, и все здесь. И особенно ей идёт униформа. Как будто сшита по ней, и если бы не этот триколор на плечах из белого, чёрного и золотого цвета, указывающий на принадлежность к Корпорации, то можно было бы предположить, что она только что сошла с подиума. Надо будет потом сказать ей пару комплиментов».

Метрах в десяти от лифтов с левой стороны располагалась хромированная дверь. Войдя внутрь, он подошёл к регистрационному пункту, где сидел офицер.

– Добрый день, сэр.

– В Клубе уже кто-нибудь есть?

– Простите, я этого не знаю.

«Конечно, не знаешь. Вот сидишь здесь и завидуешь посетителям, пытаешься угадать, у кого какие мысли».

– Ладно. Начинай процедуру.

Служащий поднёс считывающее устройство к его затылку, где едва виднелся внедрённый в кожу микрочип. Раздался сигнал, и информация передалась на дисплей:

Имя: Майкл Ф.Розенкц

Год рождения: 2056

Место рождения: Конфедерация

Место работы: Корпорация SNC (Science National Corporation)

Профессия: нейробиолог, кибернетик

Социальный код: 22011962

Группа крови: II Rh (+)

Наличие Доступа: Разрешено

Этой информации было достаточно. А точнее необходимыми являлись только две последние графы: группа крови могла понадобиться в случае ухудшения физического состояния и срочной госпитализации, а наличие Доступа давало право на вход в Клуб. Вся остальная информация была заложена для порядка.

– Проходите. Комната № 2.

В комнате без окон стояло белое кресло с мягкими подлокотниками и столик. Он сел, провёл сканирование тела и аккуратно положил голову, так чтобы металлический штырь, вмонтированный в кресло, вошёл прямо в его микрочип на затылке. Перед ним высветился экран.

«Ну, все, поехали, – скомандовал он, и кресло тут же приняло горизонтальное положение. – Теперь самое главное сконцентрироваться. Избавиться от внутреннего диалога, мельтешения мыслей. Здесь можно все. Ощутить ту жизнь, которую хочешь. Погрузиться в свой утопичный рай».

Перед взором понеслись обрывки кадров, в беспорядке сменяя друг друга. Громоздкий двигатель, тикающие часы,

только что встреченные прохожие, дом, комната, свет. И вот он... самый дорогой голос на свете.

– Майк...

– Эллен, родная, как же мне не хватает тебя.

– Я всегда с тобой и никогда не уйду.

Глава 2

Война унесла жизни миллионов. Хоть она и была прогнозируемой, тем не менее, люди оказались к ней не готовы. Несмотря на технические и гуманитарные достижения, оружие массового поражения в считанные месяцы раскроило прежнюю карту мира. Уцелевшие страны объединились, но демократическим режимам пришёл конец.

Наука уцелела и стала основой новой идеологии. В середине XXI века произошли наиболее кардинальные события. Искусственный интеллект стал обыденностью, нанотехнологии в разы увеличили продолжительность жизни, нефтяное топливо заменило электричество, а виртуальная реальность стала реальностью. Но мозг и сознание по-прежнему оставались до конца не изученными: самые страшные отпечатки война оставила именно на психике людей. Они потеряли веру, а вместе с ней и смысл существования.

Люди испытали слишком много страданий за слишком короткий срок. Но самое страшное ждало тех, кто остался в

живых. Из-за резкого сокращения населения, объединённое мировое правительство было вынуждено принять одно из самых бесчеловечных решений. Уцелевших партиями, без выяснения родственных связей или национальностей, распределяли на разные участки суши, не загрязнённые ядовитым облаком, просто для заселения территорий. Человек мог оказаться один, в чужой стране, зная, что где-то в этом мире живёт его жена, где-то сын, где-то мать, но покинуть место жительства не мог. Людям пришлось принять на себя роль безвольных биомашин в восстановлении разрушенного мира.

Но шло время, и люди переключались на новую жизнь. Так год за годом, десятилетие за десятилетием, складывалось новое общество, приходили новые лидеры, формировались новые ценности. Кто-то создал новую семью, родил детей и обрел счастье. Были и такие, кто был доволен новыми условиями.

Майку повезло родиться уже после войны. Мать была родом из Берна, отец из Москвы. Территория Конфедерации простиралась почти по прямой от Москвы до Женевы, и теперь они являлись гражданами одного содружества. Родители настояли на его поступлении в технологический институт Цюриха. Выбор пал на факультет нейронаук, и уже в первые годы Майк с головой погрузился в нейрофизиологию, биокibernетику, генетику. Днём он торчал в Центре медицинских исследований и изучал работу головного мозга. А но-

чами, когда его никто не отвлекал, пытался отыскать законы человеческого мышления.

Официально человек был признан когнитивным роботом в середине века. Искусственным путем можно было вызывать любые эмоции – сострадание, гнев, ненависть, возбуждение, симпатию, радость. Людям объявили, с одной стороны, об их ущербности, с другой, дали надежду избавиться от вечной депрессии, сопровождавшей после войны почти каждого. В массы были выброшены тонны безвредных таблеток, когнитивных энхансеров, лечивших все психологические недуги. Люди вновь обрели смысл, пускай и искусственным путём.

Таблетки выпускались от всего – от потери памяти, для обретения гармонии, от скуки, для уверенности в себе, для покоя, от ненависти и даже для ненависти. Последние были изобретены чуть позже, потому что выяснилось, что «спускать пар» является необходимым элементом человеческой природы.

Действие препаратов длилось несколько часов, но они были настолько безвредны, что их можно было принимать постоянно.

Однако, всеобщая беспечность, а, следовательно, и всеобщий застой, длились недолго – несколько десятилетий. Ученые столкнулись с незапланированной проблемой – люди стали в массовом порядке кончать жизнь самоубийством. В предсмертных записках, если таковые находили, всегда был

указан один и тот же мотив – желание познать другой мир. Обретя гармонию, люди перестали бояться смерти.

Правительственную программу свернули. Людям пришлось открыть глаза на окружающую их реальность.

В то время Майкл, будучи уже одним из ведущих экспертов по нейрофизиологии, получивший в свои тридцать шесть лет докторскую степень, возглавлял работу лаборатории в рамках новой правительственной программы. Нужен был новый вид управления человечески поведением – более надёжный и сильный по своему воздействию.

Спустя несколько лет в недрах его лаборатории был изобретён аппарат Блэкспейс (Blackspace). Государство получило в своё распоряжение самое мощное средство человеческого экстаза и одновременного подавления его воли. Аппарат считывал желания и на время воплощал их в реальность. Человек мог по-настоящему чувствовать, видеть и слышать свою мечту. На время оживал его самый сладкий сон.

Аппарат действовал на тактическом обмане нервных сигналов, поступающих в мозг. Сначала через микрочип на затылке посылался электромагнитный импульс, способствующий выбросу дофамина и стимулирующий приток крови в лобно-теменную долю. Затем, когда человек начинал визуализировать, все сенсорные импульсы, будь то ощущения или вкус, через специальный детектор аккумулировались в ядре таламуса, которое моделировало реальность, и которое под действием дофамина становился сверхвосприимчивым

к любой информации. При этом электронные импульсы, генерируемые нейронами кратковременной памяти гиппокампа, притормаживались, и грань между реальностями стиралась. Человек легко перешагивал невидимый барьер и оказывался в своей фантазии. Воображаемая реальность обладала удивительной достоверностью. Единственным минусом было время – сеанс мог длиться не более двух часов. Но и этого было достаточно, чтобы им стремился воспользоваться каждый.

Однако Доступ к нему получали не все. Его выдавали за определённые достижения, будь то открытия в науке, медицине или экономике. Но иногда государство для поддержания всеобщей мотивации давало его простым людям, например, за то, что их газон возле дома был самый обустроенный. Никто точно не знал, что нужно сделать, но все старались работать максимально усердно.

Элита, имевшая Доступ, считала себя избранными, не отдавая отчёта в том, что, по сути, являлась самой послушной и предсказуемой: добровольно лишиться Доступа никто не желал. Поэтому «подсаживая» на Блэкспейс самых независимых, талантливых или опасных, государство уберегало себя от всех конкурентов за власть.

Глава 3

– Эй, Майк, чёрт возьми, возьми трубку, дружище! – орал

в автоответчик грузный мужской голос. – Я знаю, что ты дома. Свет горит. Давай, возьми трубку!

Майк оторвал голову от подушки – сказывались три двойных виски, выпитые днём в Клубе.

Он включил связь:

– Майк, ну, наконец-то! Ты можешь открыть мне дверь?

– Что?

– Я стою напротив твоего дома.

– Чего ты припёрся ко мне, Джек?

– Хочу вытащить тебя из твоего закрытого мирка, где нет места таким мелочам, как старые друзья, пицца и футбол. Ладно, ты все равно уже проснулся. Я иду.

Через три секунды раздался звонок. Ему ничего не оставалось, как подняться и побрести к двери.

– Майк!

В дверях стоял Джек. Его внушительные размеры говорили о том, что он добродушен до костей.

– Что-то я не вижу у тебя пиццы, – нахмурился Майк.

– Насчёт пиццы, я соврал. А вот минеральной воды принёс. На, держи!

Майк отпил глоток. Потом ещё один.

– Что тебя привело ко мне? – спросил он после паузы.

– Сегодня пятница, дружище. Вот я и заехал проведать тебя. В последнее время выглядишь ты неважно. Да и в офисе не появлялся уже несколько месяцев.

– А что мне там делать, Джек? На проценты от своего

изобретения я могу жить довольно долго.

– Работа отвлекла бы тебя.

– Я отдал этой проклятой работе двадцать лет! – не сдержался Майк. – И она отняла у меня все. Мне противно даже приходить туда. Весь этот приторный буржуазный стиль вызывает только отвращение.

– Эллен тоже работала в SNC.

– Её нет больше, Джек. НЕТ!

– Не горячись, – он похлопал его по плечу. – В жизни все может случиться. Но иногда нужно зажать себя в кулак и продолжать двигаться дальше. Мы все за тебя переживаем. Вся наша команда: Ольга, Владимир, Лу. Мы все ждём тебя.

– Хватит об этом.

– Слушай, поехали куда-нибудь поужинаем?

– Я пас.

– Майк, ты вообще куда-нибудь ходишь, кроме Клуба? Готов поспорить, что только и торчишь там днями напролет, а потом заваливаешься спать, залив в себя бутылку виски. Я прав?

– Не так уж и плохо. Масса людей живет, испытывая тихое отчаяние и не имея всего этого.

– Ты же в расцвете сил. И посмотри в кого ты превратился?

Джек покачал головой:

– Это пройдет. Время все лечит.

– Ладно, – буркнул Майк. – Раз уж ты пришел ко мне,

пошли куда-нибудь.

– Вот и славно, – закивал Джек. – Поедем в итальянский II Grotto, там неплохо готовят.

Улицы ночного города были заполнены людьми. Отовсюду сверкали неоновые вывески, освещая дороги и тротуары, гремела музыка, на огромных городских экранах крутились рекламные ролики Корпорации. В городе кипела энергия – своя, ни с чем не сравнимая атмосфера мегаполиса не давала людям расслабляться.

Майк с интересом и опаской наблюдал за происходящим.

– Давно я не видел стольких людей на улицах.

– Да, жизнь кипит по ночам. Опять началась подпольная продажа таблеток.

– Ты шутишь? Их же запретили.

– Это же деньги, Майк. Думаю, в этом замешаны правительственные круги. Только у них был доступ к этой дряни.

– Производство возобновили?

– Не знаю. Но в своё время они этого добра столько наделали, что ещё лет на сто хватит. Смотри, какие все счастливые. Точно на таблетках. Проверить же нельзя.

– По-моему, кто-то же из наших занимался разработкой тестов, позволяющих определить их в крови?

– Пока ты весь прошлый год прохлаждался, пришли к выводу, что выявить таблетки у человека нельзя. Они сразу

действуют на мозг, в крови следа не остаётся. А по поведению, как ты знаешь, определить ничего нельзя.

Машина Джека остановилась на светофоре. Справа под серебристым навесом толпились люди.

– Ночной клуб? – спросил Майк.

– Да, «Blackspace». Собираются самые сливки.

– «Blackspace»? Как название моего аппарата?

– Да, но только он запатентован не на тебя, а на Корпорацию. Поговаривают, что хозяева клуба оттуда, и что вроде там даже стоит аппарат, а потому сюда нередко заходят важные шишки. Типа нас с тобой.

Джек расхохотался. Но потом как-то резко стал серьёзным.

– Такие времена, Майк. Мы, кстати, приехали. И Grotto за углом.

Ресторан оказался небольшим и тихим. Стены украшали пейзажи существовавшей когда-то страны: синие озёра, горы, зелёные равнины – на земле, где жил Майк, таких видов не было.

– Ты уже выбрал что-нибудь? – спросил Джек.

– А?

– Ты опять ушёл в себя?

– Да выбрал я! Мне вот это, – он наугад ткнул пальцем в меню. – И виски. С лимоном. Двойной.

– Ты о своём здоровье думаешь?

– Я же не собираюсь жить до 100 лет.

– Зачем ты так, Майк? Уже прошёл целый год, как не стало Эллен. Но это был несчастный случай, понимаешь? Авария. Такое случается, и с этим ничего не поделаешь. Тебе пора возвращаться к жизни. Ты нам нужен. У нас вообще ничего не клеится в последнее время. В общем, возвращайся. Начнёшь работать, отвлечёшься, потом втянешься.

– Не хочу, Джек. Что вообще происходит в Корпорации?

– Смена руководства. Главой назначили бывшего военного Петра Маррела. С его приходом многое изменилось. У него жёсткий стиль. Но о тебе хорошо отзывался, хвалил твоё изобретение, как самое выдающееся открытие века.

– И в честь него даже открыл ночной клуб?

– Деньги, дружище, по-прежнему правят миром. Для Маррела нет ничего слаще денег. Даже Blackspace его не трогает. Поговаривают, что у него нет воображения.

– Маррел не пользуется Блэкспейсом?

– Похоже, что нет.

– Всегда хотел посмотреть на такого человека. Он сознательно себя ограничивает или ему не интересно?

– Говорят, после войны у него повреждён мозг.

– У него есть Доступ?

– Конечно, он же президент Корпорации.

– И он ни разу не ходил в Клуб?

– Нет. По статистике его там не было ни разу.

Майк зажёл сигарету. На его практике, такого не было.

Официантка поставила перед ним тарелку фетучини с то-

матами. Жалостливым взглядом он посмотрел на тарелку Джека, где красовался сочный стейк.

Джек ухмыльнулся:

– Хорошо ещё, ты не заказал равиоли.

Расплатившись, они вышли на улицу. На противоположной стороне возле клуба Blackspace народу прибавилось. То и дело, ко входу подъезжали белые лимузины, до блеска отполированные спортивные автомобили, откуда появлялись девушки под руку с сопровождавшими их мужчинами. Клуб пользовался популярностью.

– Ты был там, Джек?

– Куда мне? Я толстый и женатый.

– Да, извини, забыл спросить, как Нора?

– Все отлично. Возится с нашими девочками. Она беспокоится о тебе.

– Передавай ей привет. Слушай, Джек, знаешь, езжай домой. Нора, наверное, заждалась. Я сам доберусь.

Когда машина Джека скрылась из виду, Майк направился на другую сторону дороги. Он стал пробираться ко входу в клуб, название которого его влекло и бесило одновременно. Неожиданно кто-то одёрнул его за рукав.

– Простите, вы один сюда пришли?

Перед ним стояла рыжеволосая девушка.

– Что? Почему вы спрашиваете?

– Так один или нет?

Майк огляделся по сторонам.

– Да, один.

– Пожалуйста, скажите, что я с вами, – взмолилась она. – В клуб не пускают одиноких девушек. Мужчинам можно, а девушкам нет. Прошу вас, скажите, что мы вместе. Я вас потом отблагодарю. Станцюю для вас.

– Станцуете для меня? Да вы что?

– Прошу вас, мне очень нужно туда попасть. Вы единственный без пары. Мы разойдёмся, как только войдём внутрь.

– Ладно, пошли.

Она взяла его под локоть.

У входа их остановил охранник со считавающим устройством в руке.

– Есть приглашение? – рявкнул он.

– Нет, – ответил Майк.

– Вход строго по приглашениям. Если их нет, отойдите с дороги.

Майк оглянулся на людей, толпившихся сзади. Все улыбались и излучали уверенность. Похоже, все были на таблетках. Но девушка, стоявшая рядом, все-таки нервничала.

– Ладно, у меня есть Доступ, – сказал Майк, скорее, чтобы её не расстраивать.

– Сэр, позвольте мне просканировать ваши данные. Да, все в порядке. Вы на особом положении, сэр. Можете про-

следовать сразу в VIP зону. Эта девушка с вами?

– Да.

– Проходите.

Они зашли в длинный металлический коридор, вдоль стен которого проносились голубые и белые круги света. Навстречу неслась музыка. Огромных размеров танцпол открылся внезапно. Разгорячённая толпа плясала, при этом каждый находился в своём собственном танцевальном экстазе.

Рыжеволосая девушка словно испарилась. Майк с трудом стал пробираться через танцпол, как назло, все барные стойки находились на другом конце зала. Ровно на середине пути его оглушил треск, и помещение озарила огромная электрическая молния. Толпа заликовала.

– Ещё!

И тут же сквозь потолок прорезалась другая молния, осветив лица людей. То тут, то там стали сверкать молнии поменьше, напоминавшие мощные разряды тока.

– Черт, что происходит! – Майк с непривычки после каждого разряда инстинктивно приседал. – Это что, индустрия развлечений?!

Он, наконец, добрался до противоположного конца, где располагался бар.

– Эй, – обратился он к бармену. – Есть у вас тут местечко потише?

– Что? Вас не слышно!

– Где у вас VIP зона?

– Направо, сэр. Там будет вывеска. Не заблудитесь.

Безумство ликующей толпы казалось ему адом. Только вместо красного пламени, всё было охвачено серебристым неоновым светом. Корпорация добилась своего – даже белый цвет стал популярным. «Какой-то арктический шабаш, гора Блоксберг. Все красивые, но опять безумные!»

VIP зал был поменьше, а музыка поспокойней.

– Виски, – заказал он бармену.

– Пожалуйста, сэр.

– Сколько с меня?

– Здесь все бесплатно. В VIP зоне деньги не в ходу.

– Серьёзно? – удивился Майк. – Хоть одна приятная новость за день.

Взяв стакан, он стал разглядывать присутствующую публику. Рядом с Майком за барную стойку подсел мужчина лет сорока. Они переглянулись.

– Вы здесь впервые? – спросил мужчина.

– С чего вы взяли?

– У вас на лице все написано. И вы пьёте виски.

– А что плохого в виски?

– Ничего. Просто здесь никто не употребляет алкоголь.

Нет необходимости.

– Из-за таблеток?

– Не хотите присоединиться? – спросил незнакомец, который уже начинал быть навязчивым.

– Иллюзия собственной значимости меня не прельщает.

– Ну, как знаете. Но здесь можно приобрести любые препараты. Все легально. От самой Корпорации.

– Так значит, она снова начала подсаживать на таблетки?

– Эй, а вы случайно не из полиции?

– Нет, не из полиции. Я вообще ниоткуда, – огрызнулся Майк.

– Но у вас есть Доступ, – заявил мужчина. – Я весьма наблюдателен. Что вас привело сюда?

– Отвяжись от меня, ладно? Мне нет дела ни до твоих таблеток, ни до твоих вопросов.

– Как скажешь. Трудно общаться с теми, кто не принимает таблеток.

Майк развернулся в сторону танцпола. Алкоголь все же взял своё. Разум смягчился, и вид танцующих девушек ему понравился. Наверное, впервые за последнее время он обнаружил у себя что-то отдалённо напоминающее интерес. «Может быть, это какое-то особое виски? Сознание плывёт. Хочется танцевать. Двигаться. Что я вообще здесь делаю?»

– Эй, привет!

Перед ним возникла та самая рыжеволосая девушка.

– Я везде искала тебя. Я Анна, – она протянула руку.

– Майк.

Теперь она выглядела довольной. От былой озабоченности не осталось и следа.

– Я тебя здесь раньше не встречала. Первый раз?

– Да.

– Странно, все люди с Доступом частенько сюда заходят. А тебя не было. Недавно получил?

– Даже не представляешь себе, как давно, Анна.

– А ты забавный, Майк. Чуть странный, правда. Эй, Тони, – обратилась она уже к бармену, – налей и мне того же.

– Значит, ты не на таблетках?

– Нет. Не хочу себя обременять.

Только сейчас Майк обратил внимание на разрез её декольте – он доходил практически до пупка, а загорелая кожа выгодно оттеняла белый цвет платья.

В какой-то момент Анна просто подошла и поцеловала его. Потом он решил, что ему это показалось. Она спокойно стояла в стороне и наблюдала за танцующими. Потом он снова почувствовал её руки на своей шее. Сознание двоилось. Он стоял рядом с Анной, которая даже не смотрела на него, и в следующий момент уже сжимал её в объятиях.

Анна повела его на танцпол в большой зал. Динамики били так сильно, что все тело вибрировало. Теперь вокруг были уже совсем другие люди. Кто-то танцевал в тигровой шкуре, чье-то лицо скрывала маска, кто-то был наряжен в маскарадный костюм. В смутном потоке Майк изредка различал Анну. На всеобщем фоне он все же понимал, что знает её чуть больше остальных.

Потом каким-то образом она вывела его из зала. Они поднялись по лестнице, прошли по коридору, мужчина в дверях

попросил пропуск. Проскандировав чип, их пропустили.

Майк едва различал контуры Анны. При этом он не был пьян. Действовал какой-то транквилизатор.

– Майк, – негромко сказала Анна. – Здесь есть Blackspace. Но сюда пускают не всех. Твой уровень самый высокий. Аппарат здесь другой, новая модель.

Майк рассмеялся:

– Он не может быть другим, Анна. Нет никакой новой модели. Я точно знаю.

– Не болтай ерунды. Так ты пойдёшь или нет?

– Да, давай, – кивнул он. – Заряжай.

Все было как обычно. Кресло. Небольшой столик. Сенсорный дисплей.

Сознание пульсировало и выдавало разные сцены: танцующих людей, зигзаги молний, лицо Анны, Джека, опять Анны, её причёску, грудь, бёдра. Он шёл тёмными нескончаемыми коридорами. И вот последняя белая точка на фоне черноты исчезла. Наступила темнота. А затем тишина.

– Майк, Майк, открой глаза.

– Эллен...

Глава 4

В 9 часов утра сработала система электронного домашнего управления.

– Доброе утро, Майкл, – раздался женский голос. – Сего-

дня среда – 20 ноября. Температура воздуха на улице +12. Утренние электронные газеты закачаны, ты не проверял их уже... 163 дня. Кофе сварено. День будет ясным. Закат солнца в 18.42. Запланированных дел на сегодня... нет. Вставай, Майкл!

– Уже встал.

– Датчики не фиксируют твои передвижения. Для того, чтобы окончательно проснуться, рекомендуется все-таки встать.

– И откуда тебе знать?

Майк сел на кровати, но прийти в себя было не просто.

– Что вчера со мной было? Ты не знаешь, Гэби? – обратился он к домоуправляющей.

– К тебе зашёл Джек, и вы ушли ужинать. В начале четвёртого утра ты вернулся и лёг спать.

– Я смутно все помню. По крайней мере, как я добрался домой.

– Майкл, – она почему-то всегда называла только его полное имя, – ты был уставшим и сразу заснул. Это все, что я смогла уловить. У тебя есть один неотвеченный звонок. Я заглушила звук, чтобы не будить, как ты просил. Прокрутить сообщение?

– Давай.

Из телефона донёсся голос Джека: «Эй, Майк, звоню, чтобы передать – тебя хочет видеть сам Пётр Маррел. На твоём месте, я бы всё-таки заехал в офис. Не часто он назначает

личные аудиенции. Ждём тебя в Корпорации. Пока».

«Странная птица, это Маррел. Ни разу не воспользоваться Блэкспейсом, имея его у себя под боком, явление, не меньшей мере, нестандартное. Интересно, что он возглавляет именно SNC, научную организацию, отвечающую за разработку Блэкспейса и контролирующую выдачу к нему Достапа».

– Гэби! – скомандовал Майк. – Сегодня я всё же съезжу на работу. Погладь мне брюки и рубашку.

– Конечно. Я рада, что ты хоть куда-нибудь пойдёшь вместо Клуба.

– А вот это уже лишнее.

– Прости, Майкл.

У входа в офис ждал Джек.

– Молодец, что согласился приехать, – закивал он, когда Майк поравнялся с ним. – Вот посмотришь, с народом общаешься, развеешься. С шефом познакомишься, наконец. Да, кстати, как ты вчера провёл время после того, как мы расстались?

– Лучше не спрашивай, – на ходу бросил Майк.

Пройдя через холл, они сели в лифт и нажали на десятый этаж. Перешагнув порог, они вошли в большое и светлое офисное помещение.

– Майк, ты все же пришёл! – сразу же бросилась к ним

Ольга. Она была из тех женщин, которые всегда воспринимали мужчин младше себя в качестве детей, за которыми нужно ухаживать.

– У нас была перестановка в офисе. Кабинеты меняли. Но я настояла, чтобы твой никто не трогал, – сообщила она.

– Ты все сделала правильно. Как всегда.

Майк по-дружески обнял её.

Следом подошли Лу и Владимир. Вместе с Джеком, это была его команда, с которой он создал Blackspace. Они были лучшими. И, по правде говоря, он был безумно рад всех видеть.

Не хватало только Эллен. Она тоже была частью команды.

Завязался обычный разговор – погода, праздники, новости науки. Все делали вид, что ничего не произошло, что Майк и не отлучался на год с работы, что никому нет дела, что он пьёт, и что трагедия с Эллен переменяла его образ жизни на 180 градусов. Все вежливо улыбались. Только какая-то натянутость сквозила во взглядах. Будто они старались угадать, что в голове у Майка, и вообще нормален ли он?

– Майк, Маррел ждёт тебя. Я провожу, дружище, – произнёс Джек.

Кабинет главы SNC располагался на последнем, девяносто шестом этаже. В интерьере чувствовался педантизм и показная роскошь. Все, начиная от стола до переговорной комнаты, было сделано из белого отполированного дерева и ме-

талла.

– Садитесь, – обратился к Майку Маррел.

Пожав руку, Майк стал инспектировать его психотип: высокий, худощавый, с непроницаемым выражением глаз. По его мимике невозможно было понять ни одной эмоции. Когда он говорил или улыбался, глаза оставались неподвижными.

– Я вызвал вас неспроста, – начал Маррел. – Мы бы хотели, чтобы вы вернулись на работу, ведь вы по-прежнему один из наших лучших сотрудников.

Майк молчал.

– Вы, наверное, в курсе, доктор Розенкц, что Корпорация занимается не только разработкой новых технологий, но и выполняет часть правительственной программы. И иногда вынуждена реализовывать заказы свыше, какими бы они не были.

– Я учёный, а не государственный служащий.

– Я вас понимаю. В своё время Корпорация собрала лучшие умы и дала свободу творить в рамках их интересов. Предоставила помещения, оборудование, любые базы данных, все подручные средства. И результат налицо – мы генерируем новые идеи, создаём технологии, мы и есть сам прогресс. Но за это мы обязаны учитывать национальные интересы.

– И что нужно государству на сей раз? С таблетками «всеобщего счастья» оно просчиталось. Блэкспейс стало исполь-

зовать в корыстных целях. Людьми и так манипулируют, как мячиками для гольфа: давайте зашвырнём их в «искусственный рай», и если кто не попал в лунку – это его проблемы. Лучше бы прививали вкус к настоящей жизни.

– С этим пока тяжело, – ответил Маррел. – Процесс адаптации к новому миру ещё не закончен. В глубине люди все ещё потеряны.

– Именно по этой причине я и стал работать над Блэкспейсом. Он создавался для реабилитации жертв и участников войны, помогал преодолеть психотравмы, на время прийти в себя или уйти от себя. И посмотрите, что с ним сделало государство? Трагические события слишком быстро забылись, и со всех экранов теперь кричат о предоставлении волшебного Доступа. Сделайте доброе дело на благо общества, и вам дадут прекрасный способ уйти от этого самого общества. Просто-таки хрестоматийный способ управления. И сейчас, вы намекаете на то, что государство хочет занять в своём арсенале какое-то новое средство?

Маррел внимательно слушал Майка. Казалось ему даже интересно.

– Не совсем новое, – ответил Маррел. – Мы хотим усовершенствовать Blackspace.

– Патент на Blackspace не принадлежит мне.

– Доктор Розенкц, вы являетесь разработчиком Blackspace, а потому знаете его лучше других. Зачем приглашать кого-то ещё, если в нашей команде до сих пор са-

мый лучший специалист, способный все сделать и профессиональнее и быстрее?

– И в чем суть усовершенствований?

– В памяти. Мы хотим пролонгировать вызываемый сюжет.

– Зачем?

– Человеку не нужно будет каждый раз тратить драгоценное время на вызывание в памяти точного образа желаемого, он уже будет занесён в головной сервер, и в следующий раз сюжет просто продолжится с последнего кадра предыдущего сеанса. Конечно, если человек сам того захочет.

– Иными словами, вы получите доступ к мыслям человека, которые до сих пор, в виду одноразовости воспроизведения, были закрыты?

– Доктор Розенкц, хоть Blackspace и является достижением науки, это все же способ развлечения. Пускай и весьма изысканный. Мы лишь идем на поводу у наших клиентов. Удовольствия должны совершенствоваться. Мы уже разработали все программы, неисследованным остается только участок аппарата, ответственный за память. Удержать на компьютере мыслеобразы у нас не получается. Поэтому мы хотим, чтобы этим занялись вы.

– Я подумаю, – сказал Майк с явным намерением закончить разговор.

– Надеюсь, вы примите наше предложение.

– Я сообщу о своём решении. Всего доброго.

На выходе из приёмной ждал Джек. В руках он держал два бумажных стаканчика кофе, один из которых протянул Майку.

– С каких пор, Джек, вы начали выслуживаться перед правительством? – бросил Майк на ходу. Он явно был взбешён разговором.

– Государственные заказы сейчас не редкость. Они просто не могут без нас. Мы часть системы.

– Вам всем мозги промыли? Кто-нибудь ещё остался в Корпорации, занимающийся собственными разработками? Что делают в отделе продления жизни или изучения времени? Неужели усердно выполняют заказы государства? Создают армию тупоголовых роботов-муравьёв?

У Джека началась одышка. Из-за своего веса он едва поспевал за Майком.

– Почти весь отдел бессмертия объединили с нашим, Майк. Они зашли в тупик.

– Вечная молодость отменяется?

– Они доказали, что молодость бесполезно продлевать. Поломки в ДНК наших тел неминуемы, и гораздо эффективнее сохранять мозг. Ну, или то, что он генерирует – сознание.

– Ты не догадаешься к чему они клонят, Джек? Ты же учёный, как и я, мы же вместе работали над этим?

– Мы работали над этим, но тоже тогда зашли в тупик.

Майк настороженно посмотрел на Джека. Неужели он тоже стал их марионеткой?

Они вышли в холл к лифтам. Дальше Джек не пошёл. Он лишь сочувственным взглядом проводил своего коллегу. Поведение Майка казалось ему странным и непоследовательным. Но чувства, испытываемые Майком, почему-то до боли были ему близки. Хоть он не понимал, откуда эти эмоции всплыли в его сознании.

Глава 5

Домой Майк добрался под вечер.

– Какие новости, Гэби?

– Звонил два раза Джек, но сообщений не оставлял, сказал, что хочет лично переговорить с тобой.

– Пошёл он.

– Я думала, вы друзья.

– Были. Год назад.

– Квартира убрана. Продукты закуплены. На ужин могу предложить креветки с хариссой.

– Гэби, тебе совсем не нужно каждый раз удивлять новыми блюдами. Я даже не знаю, что такое харисса.

– Ты холостой мужчина в расцвете сил. Заботиться о себе сам ты не в состоянии. Я стараюсь, чтобы хоть иногда у тебя было хорошее настроение. Я ведь пока единственная женщина, проживающая вместе с тобой в этой квартире. Кстати, харисса – это соус из перца чили.

– Наверное, это вкусно. Но сегодня я не голоден.

– Отсутствие аппетита говорит об эмоциональной подавленности либо о нервной перевозбудимости, – не сдавалась Гэби. – Хочешь, я приглушу свет и зажгу свечи? Могу включить фоновую музыку.

– Давай. Может ещё вина мне предложишь?

– Ты не так часто пьёшь вино, поэтому у нас есть только красное сухое 2092. Пойдёт?

– Пойдёт.

Майк сел в кресло и закрыл глаза.

Тихо подкатился столик на колёсиках, на котором стоял наполненный бокал.

– Пино Нуар, – сказала Гэби. – Вкус лёгкий, встречаются оттенки вишни, малины и трюфелей.

– И откуда ты все это знаешь?

– Я имею доступ ко всем базам данных.

– Ты имеешь процессор самообучения?

– Я модель AIg 89. Ты сам разработал меня семь лет назад. Заложенный процессор искусственного интеллекта был запрограммирован на активизацию после пяти лет успешной эксплуатации. Поэтому вот уже два года я нахожусь на стадии обучения и считываю информацию со всего, что мне доступно.

– Ладно, только с меня пример не бери. И если захочешь меня убить, выбери наиболее гуманный способ. Ведь на тебе вся электроника.

– Я ни за что не стану тебя убивать. Я люблю тебя.

Майк отпил глоток вина.

– Ты вообще не представляешь себе, что значит любить.

– Представляю. Я сканировала тебя, когда здесь жила Эллен.

Не то чтобы эти слова задели его, но в груди кольнуло эхом прежней жизни.

– Кажется, у нас гости, – раздался голос Гэби. – Это девушка.

– Девушка?

– Да. И она уже около двери.

Раздался звонок.

– Гэби, тебя нет, – скомандовал Майк.

– Конечно, – отозвался электронный голос.

Он открыл дверь. На пороге стояла молодая девушка в длинной юбке и джинсовой курточке. На секунду он наморщил лоб, будто вспоминая:

– Анна?

– Она самая.

– Но что ты здесь делаешь?

– Ого, я и не предполагала, что ты настолько гостеприимен. Может, все же пригласишь войти, раз уж сам пригласил?

Ему потребовалось собрать всю силу воли, чтобы не спросить так и витавший в воздухе вопрос. Но раз девушка говорит, что пришла по приглашению, значит, на то была причина. Прошлый вечер все ещё был темным пятном в его па-

мяти.

– Вчера ты пригласил меня заехать сегодня к тебе. Вот, даже сам адрес написал. – Анна прошла внутрь протянула ему листок бумаги, где был записан его адрес.

– Да, да, я помню, – соврал Майк.

– Приятная обстановочка, – Анна присела на край дивана, – полумрак, свечи, музыка, бокал вина. Правда, один.

– Я ждал тебя, – отозвался Майк. – Налью тебе вина.

Он отправился на кухню за бокалом, по дороге не переставая проклинать себя за то, что вчера потерял над собой контроль. Он пил, заглушая боль, но практически никогда не пьянел. Но вчера что-то произошло.

Анна, безусловно, была хороша собой, но чтобы приглашать её к себе? Так сразу?

Вернувшись, он протянул ей бокал:

– Анна, извини за нескромность, но вчера, если не ошибаюсь, у тебя была копна медных кудрей.

Она рассмеялась.

– Да, верно. А сегодня я решила стать брюнеткой. Это же ведь так просто. Дотрагиваешься специальным прибором до волос, и миг они меняют свой окрас. Об этом мечтали все наши прабабушки.

У неё был красивый рот и соблазнительная улыбка. Не милая, не дерзкая, а именно соблазнительная. Сегодня из-за нового имиджа она выглядела серьёзнее, чем та юная старлетка, которая напросилась с ним в ночной клуб.

Она сделала глоток.

– Знаешь, я ведь так и не успела поблагодарить тебя за то, что ты помог мне пробраться в клуб. Ты мог отвернуться, пройти мимо, но ты повёл себя как джентльмен.

– Твой жалостливый взгляд возымел действие.

– И все же, хочу отблагодарить тебя. Помнишь, я обещала станцевать?

– Что-то припоминаю.

– Я хочу станцевать для тебя особый танец. Не против, если я поставлю свою музыку?

Вскоре из динамиков донёсся глухой шорох и скрежет, будто от старых виниловых пластинок. Следом последовал размеренный глухой ритм, разбавляемый басами и чувственным женским вокалом:

Erotica, romance

My name is Dita

I'll be your mistress tonight

I'd like to put you in a trance

Анна вышла на середину комнаты и сняла с себя куртку, кинув на диван. Грудь прикрывала тонкая черная маечка.

– Надеюсь, я не смущаю тебя, – она заколола волосы, обнажив шею.

– Да нет, – ответил Майк, окончательно смутившись.

– Тогда, держись, – прошептала она. – Юбка слишком

длинная... неудобно танцевать...

Give it up, do as I say

Give it up and let me have my way

I'll give you love, I'll hit you like a truck

I'll give you love, I'll teach you how to...

Одним рывком Анна освободилась от юбки. Под ней оказалась другая – чёрная, едва прикрывающая бедра. Загорелые ноги были обуты в высокие кожаные сапоги. Оставшись в таком наряде, она начала по-настоящему танцевать.

Анна двигалась плавно, выгибая спину и медленно запрокидывая голову, а потом вдруг резко делала несколько заранее продуманных движений. Майк поймал себя на мысли, что находит её слишком привлекательной. Эта музыка, вид её тела, взгляд, движения... Он смотрел на неё. Сжимая пальцы на подлокотниках кресла от того, что негласно велась дуэль, и он катастрофически проигрывал.

Ровно в тот момент, когда он готов был рвануться, Анна прильнула к нему и обвила руками.

Глава 6

Часы показывали 7.30 утра. Майк обернулся на кровати и увидел спящую рядом Анну.

– Ты чего так рано проснулся? – спросила Анна. – Ты ку-

да-то спешишь?

– Извини, я разбудил тебя.

Анна прижалась к нему.

– Слушай, давай уедем из города на пару дней. У меня есть дом на озере. Погуляем, отдохнём, по лесу побродим.

– Дом за городом?

– Да, достался от тётки по наследству. Поедем?

Он откинулся на подушку. Что-то не давало ему покоя.

– Анна, слушай, ты кем работаешь?

– Я репортёр в газете, – сонно ответила она. – А почему ты спрашиваешь?

– Просто захотелось узнать.

– Я тебе всё расскажу, только потом, ладно?

– Конечно, прости.

Загородный дом Анны находился в ста километрах от города. Небольшой одноэтажный особняк. С веранды открывался вид на озеро. Вокруг ничего не было. Лес, да озеро – вот и все, что окружало дом.

Они долго гуляли по лесу, потом вернулись и стали разжигать камин.

Майк чувствовал, что впервые за долгое время расслабляется. Никакая электронная Гэби ни шла в сравнение с настоящим женским присутствием. Анна нравилась Майку, хотя он и не мог объяснить, отчего отношения развиваются так

стремительно. Но кто мог точно сказать, как должно все развиваться?

Без косметики, в свитере с высоким горлом, Анна казалась совсем юной.

– Анна, вот скажи, ты сейчас такая ласковая и уютная, а вчера была хищницей. Какая ты настоящая?

– Сейчас перед тобой. Ты мне понравился, Майк. С самого начала. Ты был таким потерянным, мне хотелось что-то для тебя сделать. Я хотела станцевать, но получилось так – как получилось. И музыка подходила. Кстати, это была Мадонна – самая популярная певица прошлого века. Мне до сих пор нравится.

– Что-то не слышал о ней. У тебя нет случайно диска с собой?

Анна ещё и прекрасно готовила. Простую, домашнюю пищу. Сказала, что научилась готовить у тётки, с которой прожила до совершеннолетия. Родители умерли, когда ей было пять лет.

– Знаешь, я их даже не помнила, – сказала она за ужином. – Ведь грустить можно по кому-то очень дорогому тебе, а дороги бывают только близкие, которые всегда с тобой. Вот когда умерла тётка, я тосковала. Ведь у меня больше никого не осталось. Но жизнь научила меня быть сильной. Мне хотелось наперекор судьбе стать счастливой, успешной. И я

выработала в себе характер.

– Характер?

– Да, набор убеждений, которые не дали мне сломаться, когда я осталась совсем одна и без средств. Каждый день я твердила, что жизнь прекрасна, что я просто снимаюсь в кино, и сейчас самая жалостливая его часть. Но на меня смотрят миллионы, и я должна выйти из любой ситуации. В какой-то момент я поверила, что играю роль. Я сама стала управлять сценарием.

– Такой жажде жизни можно позавидовать. Государство сочло бы за честь иметь такого сотрудника.

– Никогда я не буду работать на это государство! Все эти привилегии, награды, Доступы, вызывают отвращение. Мне противно видеть, как людей зомбируют во имя их интересов.

– Ты ещё слишком молода. Не их категория.

– Может и молода. Но я работаю на Discontent, Майк.

– На медийный портал? Ты шутишь?

– Мы последние, кто ещё открыто критикует власть.

– Я знаю, кто вы. Многие считают вас героями. Только не пойму, как при существующем режиме вам удаётся держаться на плаву?

– Возможно, правительству просто выгодно иметь хоть одну оппозицию для поддержания мнимого равноправия. Но мы ходим на острие ножа. Газету могут закрыть в любое время, а всех нас или посадить за решётку. Правда, в последние годы произошло то, чего никто из нас не ожидал. Нам пере-

стали верить. Рейтинги упали в несколько раз, нам перестали доверять. Многие считают, что мы все придумываем, высасываем из пальца. Люди не хотят знать правду. Им гораздо приятнее думать, что они живут в счастливой и дружелюбной стране, где государство заботится о каждом подданном. Борьба, ложь, противостояние – надоели. И многие предпочли отвернуться от реальности и встать на сторону тех, кто сильнее.

– Так гораздо проще.

– Вот именно. Если стоит выбор между с виду сочным спелым яблоком и его червивым гнилым содержимым, человек всегда выберет красивую оболочку. Хотя бы из-за заложенного во всех нас чувства эстетики. Но ведь кто-то же должен говорить правду.

– Да нет, Анна, вас читают, и очень многие. Поверь мне.

Вот уж чего Майк не ожидал, так это то, что Анна могла работать на Discontent – последнее оппозиционное СМИ. В рамках тотального контролирования почти каждого гражданина, их работа напоминала скорее нахождение в горячих точках, чем обыкновенные журналистские расследования. Неясным оставался только вопрос о том, почему они продолжают существовать. Может государство надеялось на постепенное угасание их пыла и жара, а может быть власти они были даже выгодны, ведь в рамках Конфедерации ничего не делалось без их ведома.

Два дня пролетели, словно два часа. Свежий воздух, домашняя еда и присутствие Анны оживили сознание Майка.

Третий день также было решено провести вместе.

В сарае оставалось лишь несколько березовых поленьев для камина, которых явно было недостаточно для целого вечера. Майк вспомнил, что видел запасы дров еще за домом, где стояла машина, и вышел за ограду. Проходя мимо, он услышал сигнал – на компьютер автомобиля шел звонок.

Он включил связь.

– Майк! Наконец ты вышел на связь, – донёсся голос Ольги. – Я так долго не могла до тебя дозвониться... Это Джек... Он погиб...

– Что?

– Джек разбился в аварии, – её голос дрожал.

– Когда?

– Два дня назад.

– Он сам был за рулём?

– Да. В тот день он уехал, сказал, что есть срочное дело. А потом нам позвонили и сказали, что он мёртв, что произошла авария... Сначала Эллен, потом Джек. Какой-то злой рок! – она не могла сдержать слёз. – За что нас наказывают?

– Нас не за что наказывать. Мы учёные.

– Тогда почему... почему из нашей команды уходят люди... почему?

– Послушай, я не в городе, но сейчас же возвращаюсь. Я

позвоню тебе, хорошо? Утром встретимся в нашем кафе.

Он отложил телефон.

«Смерть. Опять смерть. Резкая, жгучая, нестерпимая. Ходит за мной по пятам, словно хозяйка моей жизни. Напоминает о себе. Отнимает близких людей. Опять боль в груди. Тупая, ноющая, зияющая дыра насквозь, в которой живёт только пустота. Пустота».

Обратно они ехали молча.

Почти год назад ему также позвонили и сообщили о гибели Эллен. Сначала было отрицание, потом ужас, а потом долгое отчаяние. И вот теперь Джек. А перед этим встреча с Маррелом.

Майк прекрасно помнил, как первоначально, когда Blackspace только проходил первые тестирования, на специальный экран выводились визуальные данные обо всех образах, которые рождало сознание испытуемого. Можно было видеть все, о чем грезил человек, его тайные помыслы, устремления, мысли и желания. Исследования велись тайно, о них знала только Эллен. Из разных возрастных и социальных слоёв были отобраны добровольцы, которые были обо всем предупреждены. Их просили не подавлять желания, какими бы они не были. Сексуальные фантазии, власть над другими, реализация влечений, не так интересовали Майка. Он ждал другого. И его опасения подтвердились.

Спустя несколько дней испытуемые пресытились простыми удовольствиями. Тогда и появилось первое убийство. Ещё вчера человек был супергероем, а сегодня стал насильником и убийцей. Нейронные датчики регистрировали при этом одно и то же эмоциональное состояние – сильный выброс эндорфинов. Убивая, человек получал все то же удовольствие.

Конечно, такие сюжеты встречались не так часто. В 90 процентах случаях, единожды попробовав, больше к ним не возвращались, но были и такие, которые раз за разом совершенствовались в своём новом мастерстве. При этом в обычной жизни эти люди вели себя тихо и, как правило, являлись примерными семьянинами. В разговоре все они испытывали чудовищный комплекс вины и говорили, что в жизни никогда бы на такое не решились.

Но за те месяцы, пока шло исследование, Майк и Эллен невольно узнали о каждом все. Они могли разложить их психику от и до, выстроить психологический портрет в мельчайших подробностях, спрогнозировать вероятностные линии поведения. Они знали все их мысли, достоинства, комплексы, фобии, желания, страсти и амбиции. И попади такие сведения в чужие руки, человек автоматически становился кукольной марионеткой. Тщательно выстраиваемая каждым индивидуальность превращалась в клубок желаний, страхов и тщеславия.

Но это было ещё не все. Именно тогда они с Эллен, сами

того не желая, открыли способ кодировки сознания человека или транспортиации интеллекта. Функция Blackspace выводит на экран все мыслеобразы, позволяла также записывать эти данные и формировать цифровое облако самой личности, «капсулировать» её на носителе. Человек, каким бы космическим самомнением он не обладал, по сути являлся набором желаний и концепций. Мысли полностью обуславливались желаниями и потребностями, и всегда проистекали из понятия «я хочу этого», потому что «я убеждён, что это принесёт мне счастье». Весь этот объем желаний содержался в памяти, расположенной в гиппокампе. Мышление было лишь движением разума, обусловленным средой и временем. Фиксация же текущего состояния сознания и являлась «цифровым облаком личности».

Единственной сложностью были чувства и эмоции – их оцифровка давалась с большим трудом и почти всегда искажалась, но их успешный перенос на носитель, скорее всего, был вопросом времени. В остальном же, сохранение индивидуальных характеристик шло гладко, и можно даже было настраивать личность по своему усмотрению. Негативные черты и слабости легко отбрасывались. Копировались интеллект и память. Другими словами, человеческий разум фактически обретал цифровое бессмертие, причём его самая стабильная часть.

Далее передать это облако в новое тело, «новый скафандр», не представляло сложности. Разработка тогда ещё

российского учёного начала века Константина Анохина по ингибированию синтеза белков в мозге ещё 80 лет назад доказала свою эффективность при стирании нужных участков памяти. Правда на суд общественности никогда не выносилось, что память у человека можно стереть полностью. Но Майкл и Эллен знали об этом, и такие эксперименты давно велись в отделе бессмертия. При полностью стёртой памяти человеческая особь становилась бы девственно чистым скафандром, в гиппокамп которой легко закачивалось «облако» другой личности. Конечно же, за молодыми, крепкими и здоровым телами началась бы нешуточная охота. Это могло изменить всю ментальность правящей элиты и выбить из общественных устоев последнюю человечность.

Предвидя все возможные последствия, они с Эллен тогда решили заблокировать в аппарате доступ к выводу на экран любых мысленных образов. Но стереть эту функцию все же не решились. Не позволили амбиции изобретателей. Для отвода глаз блокировка была замаскирована под запрет доступа ко всему участку, отвечающему за память. Этот сектор нёс на себе лишь техническую функцию для поддержания программного софта, и не должен был привлечь внимание. В таком виде Blackspace и был представлен на научный совет.

Аппарат сразу стал сенсацией. Майк, вместе с остальными членами команды, были награждены медалями, стали уважаемыми гражданами Конфедерации, получили все причитающиеся почести. Это была их общая победа, награда за

столь долгие годы работы.

Тогда ещё, смущаясь и робея, Майк сделал Эллен предложение.

Спустя два дня Эллен не стало. Майку позвонили и сообщили, что она разбилась в аварии. Автопилот грузовой фуры потерял управление и врезался в её машину. Его просили приехать на опознание. В один миг счастливая жизнь оборвалась.

Он ушёл из Корпорации. Просто не мог там больше находиться. Винил себя, свою работу, людей, создавших автопилоты, но исправить ничего не мог.

И вот через год в такой же аварии умирает Джек.

Глава 7

Утром следующего дня Ольга уже ждала его в кафе. У неё был усталый вид и круги под глазами.

– Майк, я сама толком ничего не знаю, – почти шёпотом говорила она. – Но в последнее время Джека часто вызывал Маррел. Он выходил от него, ни с кем не разговаривал, был хмурый и отстранённый. Я же хорошо знала Джека, его добродушие. Он мне ничего не рассказывал, а на все мои расспросы отвечал уклончиво. Тогда я решила позвонить Норе, и она сказала, что Джек всё время молчал.

– Зачем Маррел мог вызывать Джека?

– Я думаю, он намеревался привлечь его в новый проект. Однажды я увидела на столе у Джека документы по модер-

низации модуля памяти Блэкспейса.

– И ты, и Джек, должны были понимать, что модернизировать модуль памяти, чисто технического блока, невозможно. Это игра слов, красивое название. И если то, чем мне предлагал заняться Маррел, называется модернизацией памяти, то к модулю памяти это не имеет никакого отношения. Такая программа пишется отдельно.

– Я знаю.

Майк насторожился.

– Я знала все с самого начала, хотя ты и Эллен не говорили мне. Но ведь я программировала технические модули. Я поняла все по данным и цифрам, которые вы изменили, ещё тогда.

– Кто-нибудь ещё знает?

– Больше никто. Даже Джек не знал, хотя, вероятно, они могли сделать на него ставку. Но об этом знает Пётр и его люди из отдела бессмертия. Именно они сейчас заняты этим модулем, который не могут вскрыть. Бесятся, но не могут.

– Как ты это поняла?

– Уже несколько недель на модуле запущена программа по подбору пароля. Они уже понимают, что это не цифровой и не словесный код, раз вышли на тебя.

– Вот чёрт.

– И Майк, хочу тебе сказать, что Маррел многое отдаст, чтобы получить желаемое. Поговаривают, что у него напрочь отсутствуют чувства. Его ничто не остановит. Он может и не

человек вовсе, киборг или что-то в этом роде.

– Значит он действуют по чьей-то указке.

– Да, и еще... В тот день, когда Джек разбился, он вбежал ко мне в кабинет и начал что-то бессвязно бормотать о тебе и Эллен. Очень торопился и все время повторял, что ему необходимо с тобой встретиться. Я тогда подумала, что он едет к тебе.

– Что конкретно он говорил, не помнишь?

– Он только бубнил, что Эллен могла что-то знать. Но он явно был не в себе. Я постараюсь еще что-нибудь узнать. Сейчас мне пора уходить. Береги себя, Майк.

Оставшись один, Майк ощутил себя гением-злодеем, невольно создавшим устройство, которое встало на службу военных.

Но что мог знать Джек? И что он хотел рассказать?

Майк вышел на улицу. Моросил дождь, всё небо затянуло серой пеленой. Перед ним высилась стеклянная громада Корпорации: пришлось сильно запрокинуть голову, чтобы объять взглядом здание целиком.

– Эй, чего уставился? – грубо толкнул его в бок грязный старик, закутанный в лохмотья. – Хочешь попасть туда, да? К этому аппаратику? Все это дьявольские происки! Душа то у большинства – никчёмная! А значит и желания – тоже никчёмные!

Он засмеялся и заковылял прочь.

«Верно подмечено. Никчемные люди – никчемные жела-

ния. И не надо тешить себя, что люди хотят справедливости, любви и гармонии. Многие хотят только власти и контроля над другими».

Майк обогнул здание Корпорации и вошёл в Клуб. Сел в кресло и начал процедуру. Программа с первых же секунд начинала улавливать малейшие образы, порождаемые мозгом, и нужно было как можно скорее представить то, что хотелось. При всем опыте в этот раз ему потребовалось куда больше времени, чтобы успокоить мысли. Сначала он как пуля ворвался в кабинет к Маррелу, костлявыми руками перебирающему чётки, тут же его выхватил старый бомж, размахивая деревянной клюкой, и тут же под звук бьющегося стекла, он оказался на месте аварии, в которой погиб Джек.

Майк тихо застонал. Он скомандовал себе сосредоточиться на дыхании. Старый проверенный тысячелетиями способ отвлечь сознание. На два счета вдох, на два выдох. Картина расчищалась.

И вот перед ним уже деревянный дом. Он отрывает дверь и заходит в светлую комнату. Пол чуть скрипит под ногами, на подоконнике цветы. Эллен сидит за столом около окна и читает книгу, про себя чему-то улыбаясь.

– Майк, ты пришёл!

Эта картина была особенно дорога для него.

– Эллен, родная... Ты словно светишься сегодня.

– Такой ты хочешь меня видеть. Я лишь плод твоего воображения.

– Я же вижу, как напрягаются морщинки у твоих глаз, чувствую тепло твоих ладоней. Что может быть более реальным?

– Жизнь.

– Ты жива. Просто ты живёшь в моей памяти.

– И ещё иногда в этом доме. Ты часто заходишь сюда. И я знаю, зачем ты здесь сегодня.

Майк уже привык, что во время сеансов со своим подсознанием приходилось вести диалоги.

– Эллен, меня больше всего пугает одно, и ты знаешь, что это.

– Здесь я тебе не помогу. Я не знаю, отчего произошла первая авария. Но вот с Джеком, наиболее вероятна версия про спланированное убийство.

– Почему?

– Помнишь, когда вы ужинали, Джек жаловался, что у него сломалась машина, ремонт которой займёт пару дней. Все сотрудники Корпорации могут взять на время служебные автомобили, а они всегда исправны. Автопилот могли вывести из строя специально.

– Но зачем его было убирать?

– Не знаю. Может быть, он что-то знал, и хотел это передать тебе. Мы тогда поставили с тобой сложный код на модуль памяти, но рано или поздно его все равно вскроют. Сейчас им нужен только пароль. Но даже если ты применишь предложение Маррела, и сам откроешь модуль, это не гаранти-

рует, что они будут нуждаться в тебе и после. Но ты всегда можешь обмануть их.

– Я никогда не решусь на это. Я много раз об этом думал, но всегда приходил к одному и тому – не смогу.

– И все же, второй пароль существует. Ты сам его изобрёл.

Майк закрыл глаза. Он упорно не хотел об этом думать, в надежде, что все-таки существует иной путь.

– Да, Майк, и эта девушка... Анна.

– Да?

– Она очень хороша.

– И?

– Она слишком хороша.

– Разве это плохо?

– Не знаю. Но, в целом, я рада, что у тебя кто-то появился.

– Ты же знаешь, что я никогда не смогу перестать любить тебя, Эллен.

– Конечно, знаю.

Майк поймал себя на мысли, что в данной ситуации испытывает что-то вроде вины. Хотя и понимал, что признается в любви к самому себе.

Глава 8

Выйдя из Клуба, он решил пройтись. Погруженный в свои мысли, Майк совсем не замечал морозящего дождя и промозглой погоды. Капельки воды струились с его волос, и па-

дали вниз на пальто и асфальт.

Он брёл куда-то без цели, без интереса и осознания собственных шагов. Он знал, что человек должен надеяться на что-то хорошее, верить в благополучный результат, и самое страшное, что может случиться – это потеря этой самой веры. Он тщетно пытался ухватиться хоть за что-нибудь, за какой-нибудь маленький островок безмятежности и покоя, но мир вокруг упорно терял свои краски, становясь хмурым, как и то осеннее небо, которое повисло над железным городом, равнодушным к любым переживаниям и человеческой боли.

Дождь усилился, и к тому же поднялся сильный ветер. Майк свернул в сквер, чтобы укрыться от ливня, но и там спасения не было. Выйдя к дороге, чтобы поймать такси, он вдруг услышал резкий скрежет тормозов. На противоположной стороне дороги остановилась машина, и из неё тут же выскочила Анна.

– Майк!

Перебежав улицу, он быстро запрыгнул в ее автомобиль.

– Тебе лучше не оставаться одному. Смерть друга – это ужасно, чудовищно и несправедливо. Но ты не должен отказывать другому другу, который всё ещё жив и хочет позаботиться о тебе.

Сопrotивляться у Майка не было энергии. Её присутствие вот уже который раз возвращало к жизни.

Дома Анна заставила его переодеться и заварила чай.

– Скажи мне, что с тобой происходит, Майк? У тебя же ведь есть история, которую ты не говоришь мне.

– Моя история не самая интересная.

– Одному тяжело. Будто весь мир против, а ты, как кораблик, скачешь по волнам. Я знаю это чувство.

– Иногда шторм утихает.

– Майк, ради Бога, скажи мне, кто же ты?

– Кто я? – он нервно рассмеялся. – Я учёный. Учёный, воплотивший в жизнь свою мечту, которая принесла одни страдания.

– И что ты изобрёл?

– Чудовищного монстра. Машину, благодаря которой каждый может стать богом и дьяволом. Я создал Blackspace, Анна.

– Ты изобрёл Blackspace?!

Анна вскочила с дивана. Воцарилась тишина, нарушаемая лишь ударом капель о стекло.

– У тебя есть Доступ? – спросил он.

– Нет.

– Значит, ты еще не отравлена этим ядом.

– Майк, я не могу в это поверить. Я столько писала об этом, провела столько расследований, и увидеть тебя здесь! Это... это...

– Проводила расследования? И к чему ты пришла?

– К тому, что Blackspace опасен. Выдавая Доступ, государство манипулирует людьми.

– Это только начало, Анна. С его помощью можно контролировать мысли и поступки людей, – не сдержался Майк. – Потенциально, можно. А также оцифровывать свою личность для увековечивания.

– Но как?

– Просматривая и сохраняя то, что видит человек во время сеанса. Лучшего подспорья для изучения его сознания нет. Ты раскрываешься, как на ладони. И если рядовые граждане не так интересны, то представь, какую ценность представляют дипломатические послы или военные министры других содружеств.

– Но насколько я знаю, такой функции нет.

– Пока нет. Конфедерация как раз над этим работает.

– Майк, я просто обязана написать об этом, – взмолилась она. – Пожалуйста, позволь мне это сделать?

– Тогда меня убьют, Анна, – усмехнулся Майк.

– Но ведь ты не работаешь на государство?

– Но я продолжаю оставаться его служащим.

На секунду он задумался. «Что если придать эти данные огласке? Запустить кампанию против аппарата? Предостереечь? На Корпорацию мне наплевать, но вот для клиентов, имеющих Доступ, эта информация будет не лишней».

– Каков охват вашей аудитории?

– Нас читают по сети, а значит и в других содружествах. Теоретически весь мир. Майк, это будет сенсация, даже если источник останется анонимным.

– Когда может выйти статья?

– Если начать работать сейчас, то в утреннем выпуске. Но ты должен будешь мне всё рассказать.

Глава 9

В шесть утра статья была готова. Расчёт Майка был прост: посеять зерно сомнения. Широкая огласка новых возможностей Blackspace должна была насторожить общественность. И в те несколько дней, пока Конфедерация не заглушит этот повод, весть дойдёт до определённого круга лиц, и если повезёт, до международного сообщества.

Анна сказала, что отправила статью в редакцию с пометкой «Срочно» и созвонилась с главным редактором. Статья должна была выйти в сегодняшнем выпуске.

– У нас есть пара часов, чтобы поспать, – еле выговорила она.

Когда Майк открыл глаза, на часах было уже четверть одиннадцатого. Анны рядом не было. На столе лежала записка: «Ушла на работу. Встретимся в 11 в кафе на углу. Анна».

Утренние газеты уже должны были разойтись, а обзор прессы лежать на лакированных столах чиновников. При хорошем развитии новость могла спровоцировать скандал, а при самом благоприятном – разоблачение.

Анна ждала его в кафе. На мягком планшете красовался свежий номер Discontent. Вся первая полоса была отда-

на под статью «Корпорация намеревается завладеть вашими мыслями».

Анна еле сдерживала волнение.

– Это сенсация. В редакции настоящий переполох. Статью всюду комментируют. Мы спровоцировали скандал. О нас вновь всерьёз заговорили!

Майк растянул мягкий экран.

– Молодец, – сказал он, дочитав статью. – Только зачем ты поставила свою фамилию?

– Редакция выделит мне охрану. Главное, мы достигли цели. Не каждый день являешься автором статьи, способной взорвать общество.

– Ты тешишь свое самолюбие. Все гораздо серьёзнее, чем ты думаешь.

– Майк, мне нужно возвращаться редакцию, там наверняка куча звонков. Можешь за мной заехать часа в четыре?

– Хорошо. Заеду в четыре. Никуда не ходи одна.

Когда она ушла, Майк поймал себя на мысли, что дома последний раз был пять дней назад. Всё это время он провёл с Анной, и уже почти привык к ней. Выходя из кафе, он набрал телефон Ольги, чтобы узнать, что происходит в Корпорации.

– Майк, здравствуй. Как ты?

– Что слышно в Корпорации? Газеты читала сегодняшние?

– Успела только бегло просмотреть. Знаешь, я решила

уходить из Корпорации, и сегодня подала заявление. Поэтому все утро на взводе.

– Давно пора.

– А что случилось, Майк?

– Посмотри обзор утренней пресс...

Последние слова он не договорил. Зелёные деревья и дорожка, по которой он шёл, в одну секунду свелись к одной белой точке посередине беспросветной тьмы. Последнее, что он почувствовал была леденящая боль в области затылка.

Глава 10

Холодная струя воды выплеснулась в лицо. И тут же следом пронзила боль в затылке. Постепенно из комка нервных окончаний к Майку вернулось сознание.

Медленно прорезались силуэты людей. Один напротив, двое других сидели сбоку за столами. Окон не было, в глаза бил электрический свет. Сквозь него Майк различил знакомый триколор на погонах.

– Быстро работают службы Корпорации, – выдавил он.

– Майкл Розенкц, – произнёс мужчина в погонах. – Вы, как служащий Корпорации и государственный советник 1-го уровня, обвиняетесь в разглашении сторонним лицам сведений государственной важности. Как разработчик Blackspace, вы скрыли от руководства заложенную в него систему воспроизводства на экран визуальных образов, а затем в обход

Корпорации предали эти сведения в средства массовой информации, подспудно обвинив Корпорацию в злом умысле.

– У вас нет доказательств, – ответил Майк.

Каждое слово вызывало новый приступ головной боли. Судя по запёкшейся крови на шее, с момента как его оглушили, могло пройти не более двух часов.

– Нам, доктор Розенкц, доказательства порой не так важны, – продолжил офицер. – Но если они волнуют вас, то мы готовы их предоставить.

– Вводите, – живо сказал он другому офицеру.

Тот отпер засов двери, и в комнату ввели Анну. Её лицо заплыло от слёз, волосы растрепались.

– Майк, прости меня, – пролепетала она, еле сдерживая слезы. – Я не хотела, чтобы все так вышло.

– Она же ещё совсем ребёнок! – выпалил Майк. – Она здесь вообще не при чем. Это была моя идея с самого начала.

– Вы искали доказательство своей вины. Оно перед вами. Статья была написана Анной Херцер, с которой, как я вижу, вы знакомы. На этих снимках ясно видно, что последние несколько дней вы провели вместе.

Офицер бросил на стол стопку снимков. За ними следили уже несколько дней.

– Что вы хотите?

– Мы хотим пароль, доктор Розенкц. Пароль, который вы поставили на модуль памяти и который препятствует активизации ещё одной функции Blackspace, так предусмотрен-

тельно вами в него заложенной.

– Хорошо, я дам вам пароль. Только отпустите её.

– Здесь, мистер Розенкц, мы будем играть по нашим правилам. Вы дадите нам пароль не за какую-либо уступку, а потому что у вас не будет выбора. Ведь перед пытками ещё никто не мог устоять, не так ли? Во времена Средневековья даже самые убежденные праведники сознавались в эретизме. Святая инквизиция знала своё дело, и лишь безумцы осмеливались ей перечить. Зато в государстве был порядок. Порядок, мистер Розенкц. Именно то, что мы и пытаемся навести, а такие личности как вы, и эта девчонка, всячески его нарушают.

Голова и шея Майка продолжали ломиться от боли, руки затекли. Анна тихо, почти беззвучно плакала, её лицо было бледно серого цвета, а глаза выражали ужас. Только сейчас Майк заменил ссадины у неё на правой щеке.

Он отчетливо ощутил страх.

– Я прошу вас, отпустите её.

– Ваши попытки тщетны, – сказал офицер. – Для нас она такой же враг, как и вы. И знаете, что мы решили предпринять? Мы будем резать и кромсать её молодое тело до тех пор, пока вы не скажете нам пароль. Думаю, это будет весьма занимательно.

– Майк, прошу тебя... – Анна стала реветь на разрыв. – Я не хотела. Прости меня...

– Анна, они просто пугают меня.

– Вы так считаете, мистер Розенкц? – прервал его офицер. – Похоже вы не до конца понимаете, с кем имеете дело.

То, что произошло дальше, заняло не более десяти секунд, но Майк не мог проронить ни звука.

Дикий вопль Анны, брызги крови в разные стороны и звук мотора пилы смешались в один единый кошмар. Офицер одним рывком положил руку Анны на стол, достал из-под стола электропилу, включил её, и сантиметрах в десяти выше кисти стал медленно её отрезать. Саму Анну он нагнул лицом к столу, и держал её затылок рукой, чтобы она не могла вырваться. Мелкие зубчики пилы плавно входили в ее плоть, перерезая сначала кожу, а потом сухожилия и нервные окончания, отчего хрупкие пальцы Анны дрожали и хаотично дёргались. Багровый фонтан крови летел в разные стороны. Крик Анны стоял невыносимый.

– Прекратите! – заорал Майк. – Я дам вам пароль.

Он опустил голову, не в силах больше смотреть. Его трясло. Офицер отшвырнул Анну в угол комнаты. Ее рука, еще не полностью отрезанная, болталась сама по себе. Кровь продолжала хлыстать, заливая пол вокруг. Согнувшись пополам, Анна больше не кричала. Открыв рот, она просто беззвучно хватала воздух.

Офицер достал из нагрудного кармана блокнот и приготовился писать.

– Диктуйте, – скомандовал он.

Не поднимая головы, Майк продиктовал:

– Ля мажор, до си до, соль ля си до ре ми бемоль соль ля ми бемоль ре ми бемоль до.

– Вы надсмехаетесь над нами? – багровея, выдавил из себя офицер. При этом он все же записал под диктовку все, что тот произнес. – Вам мало того, что только что увидели? Или мы должны поверить, что пароль можно ввести как фа соль ля би моль? Наша программа уже давно бы распознала такое сочетание букв.

Майк с отсутствующим взглядом смотрел в одну точку на полу.

– Идиот, – раздался хриплый голос. – Это ноты. Старый способ кодировки музыки.

Только что корчившаяся от боли Анна аккуратно поднялась из кровавой лужи и потянула вниз покалеченную руку. На месте одной, появилась другая – целая и невредимая. Ее Анна просто вытащила из-под рубашки.

– Ты бы видел себя, милый. На тебе же лица нет!

Она подошла и погладила Майка по взмокшему лицу, покачивая головой.

– Вводите пароль, живо, – крикнула она тем парням, которые сидели за столами. – Сначала перевести в музыкальную фактуру, затем ввести как звуковую волну.

Анна достала салфетки и очистила лицо от бутафорской крови и потекшей туши. Причесала волосы и завязала в высокий хвост. Офицер, который все это время вел беседу с Майком, теперь молча стоял у двери.

К Майку стала возвращаться ясность ума. Но вместе с ней и пронизывающая боль в области затылка. Где-то в глубине он даже был рад, что Анна осталась невредимой.

Он стал просчитывать время, с которого попался на крючок. Женщины. Искусные актрисы, способные вложить в свой взгляд столько заботы, что ему поверит любой мужчина.

«Она слишком хороша», – говорила ему Эллен в последний раз. «Слишком» означало предостережение. Но он не желал замечать.

– Готово. Мы перекодировали ноты в звуковую волну.

– Вводите, – приказала Анна.

Она сосредоточено смотрела на экран, который обрабатывал данные. Майк смотрел на Анну, пытаясь по ее мимике распознать, что происходит на дисплее. В тут их взгляды встретились. Майк явственно осознал, что всю жизнь она будет влюблять в себя мужчин, но сама никогда не сможет полюбить, так как Корпорация приложит все усилия, чтобы атрофировать у нее эти чувства. Она все время будет иметь дело с человеческими страстями, никогда не познав, что же в действительности они значат для человека.

Майк улыбнулся ей, этой юной девочке, ещё не знающей, что она сейчас делает.

На экране раздался сигнал, и Анна отвела взгляд. По её лицу Майк понял, что пароль сработал.

– Что ж, доктор Розенкц, вы нас не подвели. Активизация

модуля памяти начнется через час. Теперь можно и отдохнуть.

Анна села напротив Майка и зажгла сигарету.

– Уберите всю эту грязь, живо, – бросила она офицерам.

Те быстро засуетились, вытирая тряпками кровь со стола и пола. Когда все было закончено, Анна приказала им удалиться.

– Нет, Майк, ну ты бы видел свои глаза, когда он достал пилу, – захохотала она. – Вот ради таких моментов я и люблю свою работу.

– Ты была весьма убедительна.

– Это ведь спектакль. Игра. А мы режиссёры. Захотим – убьём главного героя, захотим – ублажим его. Нет ничего приятнее, чем власть над другими. Все этого хотят, но не все могут в этом признаться. А с тобой было так легко – ты как пластилин поддавался на все. Единственной преградой была твоя домохозяйка Гэби. Мы упустили из виду, что ты поставил ей программу самообучения. И тот стимулятор, который я подсыпала тебе в бокал вина, она распознала сразу. Поэтому пришлось не пускать тебя домой все эти дни.

– Слушай Анна, может, дашь мне сигарету?

– Я не Анна, – огрызнулась она. – Моё настоящее имя тебе ни о чем не скажет, в отличие от Анны. Ведь так звали ту девушку из колледжа, которая тебе так нравилась в юности? Даже это мы брали в расчёт. Не говоря уже о том, что я несколько месяцев изучала и копировала интонации Эллен.

Я была воплощением всего, о чем ты мечтал.

– Что вы сделали с Эллен?

– Ничего, – она пожала плечами. – С ней действительно произошёл несчастный случай. Как ни странно, в мире по-прежнему есть место и судьбе. Однако это плохо отразилось на делах Корпорации, потому что ты, её лучший сотрудник, оказался во власти эмоций. Если бы ни эти проклятые эмоции, мы бы уже давно вышли на международные рынки.

– А Джек?

– Джек с самого начала использовался нами. Он повёз тебя именно в тот ресторан, который располагался рядом с клубом. Затем ты встретил меня. Бармен подсыпал тебе в виски транквилизатор, и ты начал бредить мной. На следующий день соблазнить тебя не составило труда. И все шло хорошо, пока Джек, в сознание которого мы внедрили чёткую программу действий, не вышел из-под контроля. Под воздействием твоего эмоционального состояния, он неожиданно «прозрел», понял, что провоцирует на сотрудничество с Маррелом, которому нужен только пароль. Он знал о планах Корпорации и собирался тебе рассказать. Его пришлось убрать.

– Господи, неужели этот пароль стоит жизни?

– Конечно, стоит, – выпалила Анна. – Разве ты не понимаешь? Зная мысли других, мы подчиним себе весь мир. Маррел уже договорился о продаже партии Blackspace в Тихоокеанское содружество. К тому же, как ты догадываешься,

эксперименты отделы бессмертия не прошли даром. У нас уже есть готовые «скафандры».

Раз были «скафандры», значит были и желающие. Все шло по самому худшему сценарию.

– Слушай, Анна, мы провели с тобой три дня. Неужели ты ничего не чувствуешь ко мне?

– Нет, Майк, ничего. У меня в голове чип, блокирующий способность сопереживать, из-за чего мощность мозга взлетела до невероятных высот. Мы были первой партией эксперимента, проводимой Конфедерацией. И знаешь, что? После этого, я, наконец-то, почувствовала себя свободной. Я больше не подвержена настроению, не реагирую на обиды, никогда не грущу. Я стала управлять собой, а не эмоции мной. Я стала в тысячу раз сильнее, могу обрабатывать в разы больше информации, у меня больше нет страха. Мой потенциал превзошёл человеческий. Вы все сотканы из комплексов и сомнений, все ищите любви и заботы, хотите нравиться и получать удовольствие. Вы – эмоциональные наркоманы, внушившие себе высокий интеллект. Тогда как на деле внутри вас сидит монстр под красивым названием «чувствительность», который и управляет вами, как хочет. Вы – не хозяйка самих себя, вы рабы. Мы же стали новыми людьми. Мы больше не будем отвлекаться на семью, дом или любовные романы, мы будем служить прогрессу. И станем самой развитой расой на земле.

– Природу нельзя обмануть. Если нарушится баланс меж-

ду разумом и чувствами, наступит катастрофа.

– Эмоции, Майкл, это ошибка. Изначальный брак в ДНК, с которым человек столкнулся с самого начала. Война за лидерство велась в первобытном роду, потом в общине, потом между странами. И эта борьба отнимала жизни у миллионов людей. Ты считаешь, что природа поступила мудро, наделив людей тщеславием и алчностью? Это был сбой в системе изначально программирования. Мы его исправили. Со временем больше не будет войн. Всё будет подчинено единому порядку. И только тогда мы, как человечество, сможем выйти на новый этап развития. Майк, ты нужен нам. Ты сможешь создать новые изобретения. Ты больше не будешь переживать из-за Эллен, у тебя будет мощный стимул идти вперёд. Мы построим мир, свободный от предрассудков, иллюзий и страхов. Ты, наконец, начнёшь жить.

Майк не чувствовал пальцев. Рана на затылке кровоточила. Он понимал, что спорить с тем, у кого вырезали чувства, бесполезно. Она действовала в чётком соответствии с программой, которую в нее заложили, и её эйфория была искренней. Те люди, которые сделали из неё андроида, не забыли все-таки оставить одну существенную черту её психики – чувство собственной важности, эго. И все бы ничего, если бы это не являлось самым мощным способом контроля человеческой природы.

– Слушай, может, все-таки дашь мне закурить? – попросил Майк. – Раз ты куришь, значит, это ещё входит в при-

вычки суперлюдей? Табак, как и тараканы, похоже переживёт все глобальные изменения.

– Мне оставили это на время операции с тобой. Я должна была быть похожей.

Она зажгла вторую сигарету и поднесла ко рту Майка. Он затаился одним губами.

Потом она обошла вокруг и разрешила ножом верёвку, связывавшую его руки.

– Какая щедрость, – Майк распрямил затёкшие кисти.

– Пожалуйста, кури на здоровье, – она протянула ему сигарету, которую он с трудом мог держать онемевшими пальцами.

– А от чего, собственно, такие как ты, получают удовольствие? – спросил он.

– Удовольствие? – удивилась Анна. – Да что это такое? Лишь придуманное людьми обозначение некоторых состояний. Причём, весьма примитивных. Мы испытываем не удовольствие, а чистый восторг.

– Но отчего?

– Разве ты ещё не понял? Мы строим новый тип общества. Формируем новый эволюционный вид. Это ощущение превосходит все доступные человеку состояния. Мы – совершенные. Твоя природа лишь переходная. И мы предлагаем тебе присоединиться. Мы освободим тебя от гнёта эмоций. В каждую минуту ты будешь ощущать полноту жизни, беззаботность и свободу. Разве этого мало?

Майк сделал последнюю глубокую затяжку.

– Знаешь, Анна, извини, если по привычки, я тебя какое-то время ещё буду так называть, но то, что ты предлагаешь, это даже слишком. Пожалуй, я только сейчас осознал, что к этому стремится каждый. И пока мы наделены способностью чувствовать, любить, сомневаться, нам никогда этого не достичь. Такова, вероятно, цена, данная нам при рождении. Но именно это делает нас людьми.

– Людьми несовершенными.

Майк дотронулся до затылка, чтобы прощупать рану. Пальцы окрасились кровью. В ушах звенело от пульсации вен.

«Ведь, по сути, она права. Наше тело – сложная биомашина. Оно живёт по своим законам, и мы не можем его контролировать. Мы рождаемся, взрослеем, стареем и умираем. Единственное, что отличает нас от роботов, это наше восприятие жизни, которое формируется чувствами. И, наверное, куда более привлекательно жить, не омрачая себя стрессами и тщетными попытками обрести смысл? Какое гениальное и простое решение – просто стереть чувства и не испытывать душевной боли. Сильных чувств. Сильной любви. Той, ради которой хочется жить».

Зато теперь Майк понял, почему оцифровывать чувства и эмоции у Блэкспейса не получалось. Экран с трудом их улавливал, они мгновенно испарялись, как рассеивается утренний туман. Решение проблемы не было вопросом времени,

скорее природа сама сделала всё, чтобы эти переживания никогда нельзя было повторить или скопировать. Это было кодом нашего биологического вида. Человек был обречён на боль и страдание, но изменив эти настройки, превращался в нейромашину. Оцифровать и перенести интеллект таких как Анна или Маррел было легче простого. За отсутствием чувств они были идеальными кандидатами в отряд бессмертных. Да, бессмертие дозволялось, но ценой отказа от своей человечности. Майк почему-то не сомневался, что и таких нашлось бы не мало. Через 20 лет Землю населяли бы лишь красивые андройды, выращивающие свои скафандры на специальных фермах.

– Знаешь, Анна, раз у меня все равно нет выбора, я соглашусь.

– Вот и славно.

– Но имею ли я право на одну просьбу? Blackspace – главное достижение моей жизни. После того, как вы сотрёте у меня эмоции, он станет мне безразличен. Разрешите мне воспользоваться им в последний раз.

– Что ж, я думаю, это можно устроить.

Майк на несколько секунд закрыл глаза.

– Благодарю тебя, Анна.

Глава 11

Его вели по слабо освещённому коридору. Он думал об

Эллен, о том, что Blackspace позволил ему продлить её присутствие. И что, пожалуй, он пожил хорошей жизнью, много работал, любил. И что ему не на что жаловаться.

Служащий Клуба оторопел, увидев окровавленного человека, да ещё и под руки офицеров, но спрашивать ничего не стал.

Майка провели в свободную комнату.

Оставшись один, он стал проделывать обычную процедуру. Ввёл код. Откинулся в кресле. Попытался отключиться.

Но ничего не получалось. Реальность довлела над сознанием: Анна, брызги крови, люди-андроиды. Майк начал дышать на счёт. Вдох, выдох, вдох, выдох. Каждую негативную мысль приходилось с силой выбрасывать, словно срывать обои со стены. Но подсознание, словно предчувствуя беду, все никак не хотело пускать.

«Эллен, – шептал Майк. – Пустите меня к Эллен».

Её образ то всплывал, то исчезал. Он никак не мог сфокусироваться. Неожиданно Майк обнаружил себя на операционном столе в полуподвальном помещении. Откуда-то издали доносился военный марш.

Он вскочил и выбежал в тёмный коридор, на стене которого горела одна электрическая лампочка. Звуки оркестра доносились все громче.

Он стал вглядываться в конец коридора, и тут с истошным воплем на него кинулся огромный человек с двумя окровавленными головами. Майк с ужасом обнаружил, что одет в бе-

лый халат, а в руках держит скальпель. Именно он сделал из этого человека двухголового монстра, который стал душить его. Последнее, что заметил Майк, был проходящий мимо оркестр, играющий военный марш.

«Пустите меня к Эллен!» – крик раздался уже в тот момент, когда он почти перестал дышать.

Иллюзия пропала. Теперь он стоял на высокой скале, внизу – волны с шумом накатывали на скалы.

Рядом сидела Эллен.

– Ненавижу попадать в свои кошмары, – Майк уткнулся в её волосы.

– Я знаю, милый. Сейчас ты в безопасности, рядом со мной. Успокойся.

– Эллен, ну почему все это не реально?

– Этот мир существует, Майкл. Для меня нет разницы между этим миром и тем. Они равноценны. И ещё неизвестно, где человек проводит больше времени.

– Но я больше не хочу возвращаться в реальный мир. Я больше не хочу его видеть. Эллен, я принял решение, и ты его знаешь.

– Я не допущу этого.

– И позволишь им стереть мои чувства? Ведь я же могу создать страшное оружие, если им будет угодно.

– Но ты будешь жить.

– Это будет не жизнь. Просто существование. Я не желаю превращаться в киборга.

– Но я не могу убить тебя! – воскликнула Эллен. – Я люблю тебя! Ты все, что у меня есть!

– Можешь, Эллен. Ты сможешь это сделать, и я помогу тебе пересилить страх. Сейчас из-за раны я ослаблен, потерял много крови. Надо только придумать способ.

– Ты не можешь здесь умереть. Это невозможно физически, ты же в мире иллюзий.

– Раз я могу здесь чувствовать все, от боли до наслаждения, то почему не могу заставить себя поверить, что выстрел пистолета приведёт к смерти?

– Это не сработает: ты выстрелишь, но не умрёшь.

Эллен зарыдала.

– Пойми, мы больше никогда не увидимся. Тебя сотрут из моей памяти. Уничтожат!

– Но я буду приходить во снах.

– У меня не будет снов.

– Но куда же я денусь?

– Ты станешь вычислительной машиной.

– Но ты всё равно будешь жить.

– Но я не хочу этого!

Он протянул ей пистолет. Вложил в руку и отошёл на два метра. Небо сгустилось. Океан разъярённо бился о скалы.

– Просто нажми на курок, – приказал Майк. – Целься в сердце. Слышишь? И не тyani!

– Я не буду стрелять! Я не могу! – Эллен беспомощно держала пистолет.

– Стреляй, я сказал! – заорал Майк.

Раздался выстрел.

Резкая боль обожгла грудь. Майк согнулся, а затем упал на землю. Рубашка окрасилась кровью.

Он продолжал лежать, прислушиваясь к ощущениям. Нет, он не умер. Он дышал и больше даже не чувствовал боли.

Пошёл дождь. Эллен стояла рядом.

– Я же говорила. Ты не сможешь здесь умереть. Ты просто представил себе, что так бывает, когда в тебя стреляют. Но на самом деле, это лишь твоё воображение. Чуть-чуть трянуло психику, и все.

Майк сел на земле. Кровь исчезла. Даже дырки на рубашке не осталось. Однако тупая боль в груди продолжала ныть. От нервов сдавало сердце.

– Ты права, Эллен. Я не могу умереть от того, чего сам никогда не испытал. Это ошибка. Ты знала, что я не умру от выстрела, ведь так?

– Я здесь, чтобы сберечь тебя. Это моя единственная цель.

– Все, хватит! – разозлился Майк. – Ведь ты даже не Эллен. Мне нужно прекратить воспринимать тебя, как человека. Твоя забота, эти слезы – все обман, очередной спектакль. Неужели ты не понимаешь, что у меня нет выбора?

– Я не допущу этого, – сказала Эллен.

Она поднялась с земли и показалась Майку выше ростом, перестала плакать, а тон её голоса стал холодным.

– О, может, покажешь мне своё истинное лицо? – закри-

чал Майк.

Дождь стал хлестать всё сильнее.

– Только не используй её образ, – кричал Майк. – Покажи себя, давай! Я и моё подсознание! Всю жизнь хотел узнать, что же все время сидит там, руководит поступками. Откуда, черт возьми, исходят эти проклятые эмоции? А?

Эллен исчезла, а стихия вокруг стала неуправляемой. Ворвался сильный ветер, небо прорезалось вспышками молний. Воздух почернел.

– Так кто же ты? – орал Майк. – Отвечай!

– Я часть тебя, – раздался голос отовсюду.

– Я хочу умереть! – кричал Майк. – Если ты часть меня, мы умрём вместе!

– Ты должен жить, – гремел голос. – Таков мой закон.

– Но я сильнее тебя! Я сильнее инстинктов! Слышишь? Я твой хозяин! Я твой хозяин!

– Ты должен жить, – гремел голос. – Таков мой закон.

– Это не закон. Это программа! С заранее определённым началом и концом. Но я принял решение. Это мой выбор. И мне плевать на твои законы!

С этими словами Майк разбежался и прыгнул в пропасть. Страх и ужас сковали сердце. Чёрные острые скалы, торчащие снизу, с бешеной скоростью приближались. Животный крик рвался из его уст, и не в силах больше смотреть, он закрыл глаза.

И в тот же миг стало легко. Рядом стояла Эллен.

Врачи констатировали разрыв сердца.

Из-за потери крови, иммунная система Майкла была слишком слаба, чтобы бороться за жизнь.

Ровно через час после этого в головном сервере Blackspace произошёл системный сбой. Вышли из-под контроля все центральные модули аппарата, которые в считанные секунды прекратили работу всех локальных машин по всей Конфедерации. На глазах у программистов стиралась вся информация об устройстве, и никто не мог это остановить. Система стирала сама себя. Ещё через час в сервере раздался взрыв, и он окончательно вышел из строя.

Blackspace ликвидировал сам себя. Эта функция была заложена в него с самого начала. Её активация запускалась специальным паролем, который знал только один человек. Его создатель.